

Л. Е. Бляхер

НЕВЕРОЯТНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ, ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ФАКТОРА «НУ СКОЛЬКО МОЖНО?!»

Ключевые слова: государство, выборы, партии, административный рынок, силовой оператор, административная услуга, лояльность, вертикаль власти

По мере приближения думских выборов и смотра лояльности населения России по отношению к правящей группе серьезные люди начинают все более активно рассуждать о рейтингах партий, об уровне доверия к ним, об их социальной базе, о том, кого поддерживает тот или иной губернатор, и т.д.¹ Но хотя рассуждения эти достаточно фундированы и опираются на факты, опросы и разработанную и устоявшуюся методику анализа электоральных предпочтений², их релевантность сложившейся ситуации представляется весьма ограниченной.

¹ Кынев, Любарев 2011.

² <http://wciom.ru/index.php?id=170>.

Зачастую забывается то обстоятельство, что сложившаяся к началу избирательного марафона 2011 г. ситуация качественно отличается и от классических электоральных образцов, и от той ситуации, которая складывалась в ходе предшествующих электоральных циклов. По традиции, сформировавшейся за годы существования РФ, победа «партии власти» базировалась на трех факторах: (1) авторитете губернаторов и их административном ресурсе, (2) популярности (истинной или «накачанной») «национального лидера» и (3) убеждении, что «партия власти» все равно победит³. Сегодня же, как будет показано ниже, по крайней мере один из этих факторов ушел в небытие, да и с двумя другими дело обстоит далеко не однозначно.

³ Любарев (ред.) 2011.

Меньше всего внимания (и справедливо) во время последних двух электоральных циклов уделялось «парламентским партиям». В самом деле, российские партии, образующие сегодня парламент, имеют косвенное отношение к политическим партиям. По логике вещей партии существуют для того, чтобы представлять интересы определенной (большой) социальной группы и во имя реализации этих интересов бороться за власть⁴. Эти две простые функции крайне трудно отнести хоть к одной из ныне действующих «парламентских партий».

⁴ Дюверже 2000.

Вместе с тем анализ партийного спектра, его сложившейся функции и ролевого распределения в ее рамках дает нам достаточно важную информацию о принципах, лежащих в основе отечественной политики. Именно в этом плане партийные стратегии на выборах периода по-

строения «вертикали власти» и на грядущих выборах Думы и президента, равно как и сами эти выборы, представляют несомненный исследовательский интерес. В этот краткий миг сверхусилий государства по организации победы «партии власти» мы можем не только постичь действительный смысл электоральной процедуры в России, но и увидеть структуру самого государства, его внутреннюю, интимную жизнь.

Методологической основой представленного ниже анализа российской политической реальности выступает интенция, содержащаяся в концепции административных рынков Симона Кордонского и Виталия Найшуля⁵. В настоящей статье я попытаюсь показать, что рынок административных услуг был не столько неизжитым наследием советского режима, сколько специфической формой организации и поддержания рыночных отношений, и его разрушение (или, точнее, радикальная трансформация) в период строительства «вертикали власти» привело к нарушению работы всего механизма и экономики, и власти. И поскольку электоральный процесс выступает одним из важнейших индикаторов состояния этого механизма, начну свой анализ с краткого обзора партийного расклада накануне избирательного марафона.

⁵ Кордонский 2000; Экономика 2007.

Партии на старте: задачи и стратегии

⁶ Павловский 2010.

⁷ Выяснено путем сопоставления состава регионального руководства КПРФ и телефонных справочников обкомов (крайкомов) КПСС в четырех регионах РФ.

⁸ Удмуртов 2007.

⁹ Согласно опросу, проведенному автором в 1996 г. в пяти субъектах РФ (n = 1236), именно депутат открывал список самых престижных профессий. За ним шли банкир, бизнесмен, политехнолог, рэкетир.

Партийный декор современного российского политического режима составляют «парламентские партии». Сам факт, что именно эти партии уцелели в ходе масштабной чистки партийного поля в ходе строительства «вертикали власти», показывает, что они не опасны режиму и выполняют в нем определенную функцию⁶. Об этой функции и имеет смысл говорить.

Коммунистическая партия — это осколок бывшего правящего класса, волею судеб не вписавшегося в реалии постперестроечной России. Как правило, костяк КПРФ образуют представители нижней иерархии КПСС (инструкторы, заведующие отделами и секретари райкомов)⁷, к которым примыкает небольшая группа интеллектуальной obsługi исчезнувшего государства и их ближайшие «ученики», чьи услуги побрезговали современные хозяева жизни. Электорат КПРФ — аутсайдеры реформ 1990-х годов. При этом значительная часть аутсайдеров (вместе с лозунгами социальной поддержки, социальной справедливости и т.д.) уже перехвачена новым господствующим классом, получившим в «нулевые» годы возможность выплачивать популистскую ренту. Появившуюся в последние годы молодежь, замороженную романтикой Че Гевары и ориентирующуюся на лозунги «новых левых», старшие товарищи старательно выводят из игры⁸, поскольку стратегическая цель этой игры к выдвигаемым лозунгам не имеет прямого отношения. В чем же она?

В 1990-е годы «профессия» депутата относилась к числу наиболее престижных и доходных⁹. Депутатская неприкосновенность, возможности лоббирования интересов и защиты того или иного сегмента бизнеса, да и немаленькая зарплата, делали такую оценку «профессии»

вполне оправданной. По мере «стабилизации» «нулевых» годов, снижения конкурентности политики и возможностей депутатского корпуса по презентации чьих-либо интересов снижается и сам статус депутата. На первый план выходит власть исполнительная, власть бюрократии¹⁰.

¹⁰ Аналогичный опрос, проведенный в Хабаровском и Приморском краях пять лет спустя ($n = 674$), показал, что уже к 2001 г. носителем высшего престижа стал государственный служащий.

Лишенная доступа к действительной (исполнительной) власти, поскольку вхождение в корпорацию предполагает и вхождение в «партию власти», КПРФ сужает свою задачу до использования по максимуму ресурсов, предоставляемых выборными должностями (зарплаты, льготы, возможность «крышевания» какого-то сегмента бизнеса и лоббирования его интересов). Чем больше мест получает КПРФ в законодательных органах, тем больше у нее ресурсов для «оплаты» своего электората. При этом стремления к власти, свойственного политическим партиям, КПРФ не обнаруживает. Причина проста. Реализация критических интенций, благодаря которым партия сумела сохранить лицо, неизбежно ведет к гражданскому конфликту, чреватому самыми непредсказуемыми последствиями. Вполне разумные и достаточно молодые люди, составляющие костяк аппарата КПРФ, этого совсем не желают. Задача скромнее: критиковать, но не править¹¹. Этой замечательной позицией и объясняется долгожительство КПРФ, в отличие, скажем, от безвременно почившей «Родины». КПРФ не опасна власти. Более того, такая «ручная оппозиция» даже необходима. Она выполняет функции, близкие к тем, что реализуются при прививке от серьезной болезни: в политический организм вводятся ослабленные бактерии протеста, против которых при желании можно мобилизовать лояльные группы. Наконец, под флагом КПРФ можно сплотить и самих недовольных, снизив поддержку населением менее лояльного режиму политических объединений.

¹¹ Несколько КПРФ не хочет быть правящей партией, отчетливо продемонстрировали выборы 1996 г. — единственный случай, когда казалось, что реванш возможен.

В качестве дублера КПРФ для наиболее маргинализированных групп электората, не процветавших ни в советском прошлом, ни сегодня, выступает ЛДПР. В глазах значительной части населения страны коммунисты, как и «партия власти», входят в категорию «начальство» со всеми сопутствующими той негативными коннотациями. Соответственно, ей нужна другая «оппозиционная» партия. Следует отдать должное величайшему актеру новой России Владимиру Жириновскому. То чувство аудитории, которое он демонстрирует уже не одно десятилетие, способность играть на ее настроениях, быть ярким и неожиданным, вероятно, вызывают острейшую зависть многих «заслуженных» и «народных», лишенных такой силы дарования. Увы, столь долгий срок на сцене, да еще в одной и той же роли, неминуемо ведет к деградации. Сокращается число поклонников, уходит в прошлое период звездных гастролей. Все более понятно, что ЛДПР — это форма существования одного человека, впрочем делящегося дивидендами со своего таланта с некоторым кругом приближенных.

Дело в том, что для сохранения своих приверженцев — наиболее люмпенизированной и депривированной части населения — Жиринов-

скому необходимо вбрасывать все более радикальные лозунги, которые в какой-то момент могут быть признаны опасными. Тогда ЛДПР ждет судьба «Родины». Ангажемент может быть расторгнут. Этого, понятно, лидер не желает. Потому он вынужден исполнять бесконечные вариации уже сыгранных ролей.

Именно как дублер создавалась и «Справедливая Россия». Пожалуй, это партия с самой трудной судьбой. Выхухолей в ее рядах не спасла даже прививка «Родиной» и Партией пенсионеров. По существу, «Справедливая Россия» осталась партией тех, кого не взяли в правящий класс, но кому очень хочется туда попасть. Подобно тому как ЛДПР дублирует (на всякий случай) коммунистов, конкуренция с которыми снижает потенциал оппозиции, СР выполняет функции дублера «Единой России». В этих условиях даже отставка и фрондерство бессменного лидера справедливороссов Сергея Миронова выглядят не более чем PR-проектом для решения главной задачи — победы «партии власти» на думских выборах — или неким заделом под PR-проект, связанный с президентскими выборами.

«Единая Россия» — самое странное образование на политическом горизонте страны. Сегодня много говорят о сходстве ЕР с КПСС. Думаю, что это категорическое заблуждение. КПСС хотя и называлась партией, фактически была несущим элементом государственной структуры, без которого государство прекращало существование. Функция ЕР совершенно иная — блокировать работу выборных органов власти, когда эта работа оказывается деструктивной для государственной машины.

Для государства принципиально важно, чтобы парламенты были и одновременно их не было. Поскольку главными торговыми партнерами РФ являются страны с развитым парламентаризмом, отказ от парламентов может негативно отразиться на ее внешнеэкономической деятельности и снизить доходы госкорпораций, которые и позволяют власти оставаться властью. Однако если парламент, в который «пролезли случайные люди», действительно начнет работать и в стране появится политика, то под угрозой окажется само существование государственной структуры. Задачу совмещения парламентской структуры с отсутствием реального парламентаризма и призвана решать «партия власти», и ЕР, получившая конституционное большинство, с успехом ее решает.

По сути дела речь идет о том, что часть представителей государства или тех, кто рассчитывает ими стать, перемещаются в парламент, образуя в нем большинство. Как только это происходит, законодательный орган власти трансформируется в регистрационную палату, освящающую уже принятые решения. Наличие же в парламенте других партий создает иллюзию прений.

Возникает своеобразная двухслойная структура. Верхний слой (соотносимый с выборами и многопартийностью) рассчитан на внешнее («демократическое») окружение, дабы то при желании могло не

замечать некоторые особенности функционирования нашей партийной и электоральной системы. Нижний же слой позволяет функционировать громоздкой и сконструированной ad hoc государственной машине, работающей только в режиме «ручного управления». Создание единообразных правил (правовых или каких-либо иных), крайне полезное, вероятно, в долгосрочной перспективе, сегодня приведет к полному развалу и остановке государства, ибо государство, возникшее в последние десятилетия, есть продукт сложной системы договоренностей между политическими элитами самого разного уровня и происхождения. Каждый элемент российского государства — результат мирного договора между некими элитными группами в ситуации, когда ни одна из них не в состоянии уничтожить другую. К концу «нулевых» годов договор элит становится фактом, а население оказывается ненужным и опасным. Ведь формально-правовая («внешняя») часть двухслойной структуры существует постольку, поскольку она погружена в систему сложнейших неформальных договоренностей, далеко не все из которых имеют легальную форму презентации.

¹² Akerlof 1970.

Джордж Акерлоф говорил об информационной асимметрии применительно к рынку лимонов¹². Его выводы можно с легкостью распространить и на административный рынок. Дело здесь не только и не столько в вымывании качественных административных услуг, сколько в том, что между населением и чиновничеством (политическим классом России) складываются отношения информационной асимметрии. Оценить качество работы чиновника может только чиновник. Только он знает ту сложнейшую систему договоров, формальных и неформальных связей, которые породили структуру, где он служит, и ее функцию.

Любое изменение в государственной структуре вполне может разрушить какие-то из договоренностей, а значит, вызвать конфликт, чреватый непредсказуемыми последствиями для всего политического класса. Потому парламенты и формируются таким образом, чтобы исключить возможность влияния на государственную структуру со стороны граждан. Государство превращается в самодостаточную и самодовлеющую сущность, единственной реальной угрозой для которой оказывается вмешательство населения.

Структура «Единой России» полностью соответствует стоящим перед «партией власти» задачам. В «мирных» условиях это крайне незначительный аппарат, паразитирующий на теле государства. Он не особенно обременителен финансово и существует в состоянии анабиоза. Если он и используется, то, как правило, по инициативе того или иного конкретного чиновника, преследующего сиюминутные цели («выйти» на искомое должностное лицо, используя партийные рычаги, артикулировать наличие у некоей элитной группы собственных интересов и т.п.). В период электоральной активности мелкие партийные ячейки наполняются деньгами, расширяются. Чиновники и «социально ответственный» бизнес вспоминают о своем членстве в партии,

проводят усиленную мобилизацию «своих» людей: работников «социально ответственных» предприятий, лиц, ориентированных на государственную карьеру, и т.д.

Жесткий контроль над СМИ позволяет нивелировать стороннее влияние, вывести его за рамки легального политического поля. Жесткий контроль над избирательными комиссиями дает возможность сгладить совсем уж неправильное поведение населения. Выборы выигрываются, и «Единая Россия» опять погружается в спячку. Но приближающиеся выборы могут оказаться несколько более сложными, что и вызывает к жизни сложные PR-ходы типа раскрутки Алексея Навального или отставки Глеба Павловского¹³. Причины две: структурная и эмоционально-психологическая. О них и пойдет речь дальше.

¹³ *Межуев 2011.*

«Региональные бароны» и административный рынок

Структурная сложность приближающихся выборов состоит прежде всего в принципиальном изменении функций губернаторов по сравнению с 1990-ми годами.

Проклятия в адрес «региональных баронов», «местных правителей-самодуров» и т.д., иными словами — в адрес губернаторского корпуса, были едва ли не ведущей партией в политическом оркестре России второй половины 1990-х — начала «нулевых» годов. Действительно, власти губернаторов на «своих» территориях мог остро завидовать президент, а власти отраслевого зама — министр федерального министерства. Что же произошло? Почему сильные, властные и авторитетные губернаторы 1990-х, «императоры в своем королевстве», исчезают с политической арены, сменяясь (за редчайшими исключениями) робкими исполнителями? Почему сегодня, когда сошел со сцены последний «региональный барон» — Юрий Лужков, все чаще раздаются голоса, что с ними на самом деле было не так плохо, как некогда казалось? Начну с предыстории.

Провал перестройки не в последнюю очередь был связан с выжидательной позицией, которую заняла бюрократия эпохи Михаила Горбачева¹⁴. К тому времени, как убедительно показывает Найшуль¹⁵, местная бюрократия настолько приватизировала властные функции государства, что любое решение, принимаемое в верхах, должно было пройти сложный процесс торга-согласования, прежде чем быть реализовано. Бюрократия, чьи интересы оказались ущемлены, и блокировала любую активность «прорабов перестройки». Их сигналы просто не доходили до адресатов. Поэтому власть и перешла в руки единственного политика «ближнего круга», избравшего харизматический, принципиально внеинституциональный тип общения с населением, — Бориса Ельцина.

Однако последствием победы такого типа политической коммуникации стал развал государственного механизма и беспорядочные (а порой и просто нелепые) попытки хоть как-то стабилизировать ситуацию. Вместо обмена власти на собственность, что должно было, по

¹⁴ *Рукавишников и др. 1998.*

¹⁵ *Экономика 2007.*

¹⁶ Коктыш 1999.

мнению идеологов постперестройки, позволить миновать неприятный период борьбы за власть, возникла хаотическая реальность распадающегося общества. Кирилл Коктыш называет этот период «балансом слабостей»¹⁶. Сильных в новой России не оказалось. Во всяком случае, в легальном пространстве.

В условиях отсутствия «силы» главной технологией выживания становится теневая, подлинно народная приватизация собственного рабочего места, основы которой были заложены «несунами» советской эпохи и ранним кооперативным движением. Всемогущий бартер вплоть до выплаты зарплаты утюгами и гробами стал формой легализации такой приватизации.

В наиболее сложном положении оказались работники государственного аппарата, чьим единственным ресурсом была делегированная им и частично приватизированная ими власть. Ведь именно она-то и распадалась, порождая все новые «центры слабости». Тем не менее наличие реликтовой (сохранившейся с советских времен) власти позволило бюрократии пережить трудные времена, полностью приватизировав собственные властные полномочия, на тот момент не особенно востребованные. Чиновничество было почти лишено возможности производить силу — и порядок посредством силы.

¹⁷ Волков 2002.

Главными производителями силы в тот период стали организованные преступные группировки (ОПГ), «крыши». Об этих «силовых предпринимателях» столь ярко и убедительно написал Вадим Волков, что мне остается только кратко пересказать его мысли¹⁷.

Бизнес, да и просто социальное взаимодействие, остро нуждается во внешней (силовой) упорядоченности, в разрешении Гоббсовой проблемы и превращении «войны всех против всех» в некую систему общепринятых и понятных правил. Криминальные «крыши» и создали такие правила. Они были жестокими, совсем не демократическими и не гуманными. Но на тот момент были *только* они. К бандитам обращались и первые бизнесмены с целью гарантировать сделку, и рядовые граждане с жалобой на ЖЭУ. До 1996 г. (а на самом деле и позже) государевы люди новой реальности просто не видели. Этого не позволяли законы. Забавляют активно ведущиеся сегодня в самых разных кругах разговоры о связях того или иного бизнесмена или политика с «мафией», с преступностью. Мне кажется, что гораздо труднее найти активного социального (экономического, политического) агента, который не был бы с ними связан. ОПГ («крыши») были реальными силовыми операторами, регулировавшими стихийный рынок первых постсоветских лет.

Однако, несмотря на всю романтику «плаща и кинжала», «братвы» и «общака», как только бизнес вышел за рамки совсем уж малого, ему понадобился иной силовой оператор. В стихии тотальной торговли начала 1990-х годов, эпоху бабушек у остановок, «челноков», «вещевых» зарплат, неуверенности и выживания, локальные сообщества вполне успешно регулировались криминалитетом. Но с появлением первых сколько-нибудь крупных предприятий, связанных с экспортно-

¹⁸ Бляхер 2010.

импортными операциями, криминал перестал срабатывать. Вопреки всем страшилкам на тему криминальных сообществ, поделивших Россию между собой и вершавших ее судьбы на тайных сходках и стрелках, ОПГ оставались локальными операторами. Все попытки выйти на новую территорию блокировались местными ОПГ¹⁸. Но даже если интервенция была успешной, «положенец» мгновенно становился самостоятельным. Существенной проблемой была и абсолютная нелегальность этих операторов. Ведь зарубежный партнер требовал хоть какого-то легального статуса. Здесь и включилось государство в лице служащего, приватизировавшего определенный силовой (функциональный, бюрократический и т.д.) государственный ресурс.

Этот ресурс (легальность, возможность согласовывать межрегиональные и внутрирегиональные интересы, принуждение к исполнению определенных правил игры) и предлагался к продаже. Его качество (возможность и легитимность применения насилия) оказывалось в целом выше, чем у ОПГ, спектр услуг — шире, а цена услуги — ниже. Поскольку каждый чиновник — продавец услуги вполне удовлетворялся небольшой платой, совокупный платеж (взятки, расходы на «дружбу», официальные выплаты) был не особенно велик, во всяком случае намного меньше, чем платежи «крышам» или «белые» платежи, и гораздо более эффективен с точки зрения экономического или социального агента. Он позволял не только избежать угрозы государственной санкции, которая к концу 1990-х годов уже была относительно реальной, но и приобрести нужную услугу, будь то возможность взаимодействия с партнером, получение долга, защита от конкурентов и от появления новых игроков, легализация социального статуса или включение механизма enforcement'a.

Рынок получил необходимые силовые услуги, а чиновник — необходимую финансовую поддержку. Однако для того чтобы силовая услуга была оказана, ее держатель должен быть включен в сложную систему *административных обменов*. Ведь ему приходилось «торговать» не только с экономическими и социальными агентами, но и с другими обладателями силового ресурса. При этом принципиально важным был не формальный ранг, а ценность приватизированного государственного ресурса, и занимавший более высокую ступень в легальной иерархии обладатель ресурса отнюдь не обязательно являлся сильнейшим. Министр, к примеру, мог не контролировать «реальные потоки», а его заместитель — полностью контролировал. Функция министра заключалась только в том, чтобы легитимировать деятельность зама — реально-го силового оператора. Соответственно распределялись и доходы.

Для осуществления властного (силового) действия тот или иной оператор часто нуждался и в союзе с представителями иных иерархий (так сказать, не по вертикали, а по горизонтали), чьи услуги он был вынужден как-то «оплачивать». Например, сотруднику администрации области могли понадобиться услуги начальника УВД города, прокурора или сотрудника другого департамента.

Цена административной услуги складывалась, таким образом, из дохода чиновника (взятка, откат) и его издержек по ее оказанию (производству), которые, в свою очередь, состояли из подношения вышестоящему начальнику, легитимировавшему сам акт приватизации государственного ресурса, и покупки услуг сопряженных силовых операторов. Ограничителем цены услуги (отнюдь не «предложения, от которого нельзя отказаться») выступал платежеспособный спрос. При изъятии «в два горла» экономический агент уходил в «тень», под крыло криминальных операторов, менял территорию, прекращал экономическую деятельность. Так, в первые годы губернаторства в Приморье Сергея Дарькина в связи с резким увеличением цены административных услуг едва ли не четверть всех зарегистрированных во Владивостоке фирм сменила «место жительства».

Дальнейшее распределение доходов внутри административной структуры, точнее, административной сети осуществлялось в зависимости от значения того или иного оператора в производстве и сбыте услуги. Наиболее значимый участник производства услуги и получал максимальный доход от ее продажи.

Сам рынок, пронизывая все общество, был достаточно сложно иерархически организован. На его низовом уровне, уровне локальных сообществ, «красные» крыши продолжали отчасти конкурировать с криминальными. Правда, последние или срастались с властью, или вытеснялись из бизнеса. Функцию основного легитиматора хозяйственной жизни территории выполнял губернатор. Именно он был верховным «разрешителем» и для силовых операторов, и для экономических агентов. Форма силовой организации пространства была относительно простой.

Возникало предприятие-посредник, наделенное особыми преференциями (льготное налогообложение, льготное таможенное обслуживание, силовая защита со стороны государственных структур), во главе которого ставился «свой» человек. Использование этого посредника давало ощутимый эффект, а его доход и составлял основную массу административных платежей. Соответственно, бизнес, не участвовавший в таком взаимодействии, просто вытеснялся с рынка. Его продукция оказывалась или абсолютно нелегальной, или гораздо более дорогой. Понятно, что не обходилось без исключений. Какой-то чиновник или экономический агент мог обладать крайне значимым личным ресурсом. Тогда обмен протекал на иных условиях. Бывали случаи, когда чиновники работали «по вечерам на дому». Но все это было лишь дополнением к базовой схеме.

Поскольку подобная деятельность при крайней ее востребованности была не вполне законной или, по крайней мере, могла быть осмыслена в качестве таковой, возникало специфическое состояние, которое можно обозначить как *презумпцию виновности*. Принципал (в данном случае губернатор) знает, и агент отдает себе в этом отчет, что деятельность агента может быть расценена как преступная. А будет ли

применена санкция, зависит от правильности поведения на рынке административных услуг, правила игры на котором к концу 1990-х годов обрели вполне заверченный и прозрачный для всех игроков характер. Через посредство презумпции виновности и выстраивался механизм *enforcement*¹⁹ для участников административного рынка.

Ввиду того что основным источником легитимности власти губернаторов в тот период были прямые выборы, «региональные бароны» вольно или невольно включали в систему распределения административной ренты рядовых граждан, точнее, облагали административный рынок достаточно серьезным социальным налогом в пользу населения, чья лояльность поддерживалась несколькими факторами.

¹⁹ Тамаш 2011.

Пал Тамаш писал о купленной лояльности¹⁹. К рассматриваемому периоду это может быть отнесено лишь отчасти. Бесспорно, социальный налог, которым облагался бизнес, был формой покупки лояльности главного легитиматора — населения. Но через оказание административных услуг, обеспечение порядка в самых важных для населения «серых» зонах губернаторский уровень производства порядка был связан с реальной жизнью большей части граждан России. Понятно, что термин «губернатор» — это не обозначение должности и даже не обозначение лица. В данном случае речь идет о действительном собственнике властной услуги на территории. Персонально (и с точки зрения должностей) властное распределение могло быть различным, как и состав участников административного рынка, уровень их платежеспособности и содержание услуги. В соответствии с этим выстраивались различные варианты *региональных политических режимов*²⁰.

²⁰ Рыженков, Люхтерхандт-Михалева (ред.) 2001.

Федеральная власть была включена в эту структуру в нескольких отношениях. Не стоит забывать, что она обладала правом «второй инвеституры», то есть легитимировала деятельность губернаторов. Конечно, всенародное избрание было основной легитимацией, но строптивому губернатору федеральный уровень мог создать серьезные проблемы. Соответственно, в направлении центра шли не только «белые» (в тот момент незначительные) отчисления, но и часть «настоящих» доходов — так сказать, налог на легитимацию. Но у центра были и функциональные задачи. Во-первых, даже в тот период сохранялись общероссийские предприятия, нуждавшиеся в правилах игры для всей страны. При всей рыхлости этих правил, они были и контролировались именно центральным правительством. Они же выступали в роли своего рода «международного права» при осуществлении межрегиональных транзакций. Именно эта — важнейшая и необходимая — функция федерального центра удерживала страну в одном политическом пространстве. Крики о «растаскивании» России «по региональным углам» — не более чем пропагандистский ход в борьбе нанайских мальчиков, какой на самом деле была борьба между центром и регионами.

Таким образом, к концу 1990-х годов сложилась вполне рабочая «рыночная модель» государства, взаимодействовавшего с населением и экономикой, оказывавшего им необходимый спектр услуг. При этом

²¹ Радаев 2003.

существовал реальный федерализм, и название «Российская Федерация» отнюдь не было лишь данью традиции. Понятно, что структура эта была «серой», а не «белой». Но ее легализация, как показал Вадим Радаев²¹, была вполне реальной. На рубеже столетий Российская Федерация вполне могла стать страной с эффективно работающим государством, регулируемым административным рынком. Но история выбрала иной путь.

Размышляя о том, как сходили с политической сцены «региональные бароны», губернаторы 1990-х годов, невольно задумываешься: почему так легко удалось сломить тех, чья власть еще несколько лет назад казалась абсолютной и незыблемой? Каковы механизмы и последствия их ухода? Попробую ответить на эти вопросы.

В «нулевые» годы, когда нефть уже сделала исторический рывок к «подъему России с колен», но уверенности, что это надолго, еще не было, федеральная власть обнаружила парадоксальную ситуацию. Страной управляет не она. Под федеральной властью в данном случае я понимаю политическую группу, пришедшую с новым президентом. «Старая» федеральная власть — «семья» и примкнувший к ней нефтегазовый и прочий сырьевой бизнес — хотя и не управляла единовластно (как бы того ни хотелось «царю Борису»), но активно участвовала в управлении через те же механизмы административного рынка, базировавшиеся на системе неформальных практик и договоренностей. Она была своеобразным третейским судьей в спорах и конфликтах между губернаторами, между губернатором и мэром крупнейшего города и т.д. Новая власть в этих договоренностях доли не имела. Собственно, авторы «проекта Путина» на это и рассчитывали, стремясь закрепить за собой роль всероссийского третейского судьи.

Просчет здесь был не в уникальной «харизме» Путина. То, что она — продукт медиа- и PR-усилий, сегодня не вызывает особых сомнений. Просчет был, как и у большей части российских правительств последних столетий, в банальном незнании страны, которой предстояло управлять.

Социология, на которую вроде бы предполагалось опираться, делилась на придворную, работающую в стиле «чего изволите», и оппозиционную, ориентированную на борьбу с «бесчеловечным режимом». Нормальное неангажированное знание было не в чести ни в первой, ни во второй группе. В результате активные представители уходящей «семьи» просмотрели то обстоятельство, что значительная часть — до половины — населения оказалась в числе аутсайдеров реформ 1990-х годов и члены правившей в тот момент группы, при том что они уже успели осознать необходимость популистских жестов, воспринимались этим слоем как символы социального унижения и личные враги. В социально ущемленную группу попало и немало артикуляторов общественных настроений — писателей, журналистов, иных представителей культурного истеблишмента советской эпохи. Они и составляли крайне широкую и разнородную *антиельцинскую коалицию*,

видевшую в Путине своего лидера и защитника от политиков и «олигархов» ельцинского круга.

Однако эти настроения так и остались бы настроениями, если бы не было мощной (по крайней мере, многочисленной) прослойки бюрократии, отстраненной или почти отстраненной в 1990-е годы от участия в административном рынке. Так, Министерство образования в 90-е годы в минимальной степени контролировало вузы. Последние научились обеспечивать себя сами, создали достаточно емкий, даже на фоне демографического спада, рынок образовательных услуг — по существу, продажи образовательных статусов. Не то чтобы в центральное министерство не шло уж совсем никаких отчислений, но, как от всякой услуги, которая не особенно нужна, от услуг министерства просто откупались, вполне удовлетворяясь услугами местных силовых операторов. То же происходило и в ряде других отраслей.

Занимая достаточно высокое место в формальной бюрократической иерархии, эти деятели и даже группы выпадали из административного рынка. В их услугах попросту не нуждались. Эта более чем ущемленная часть населения стала основой, проводником идей построения *вертикали власти*, то есть насильственного внедрения себя в административный рынок. Описывать перипетии этого процесса не особенно интересно. Они описывались уже десятки раз, в том числе и автором этих строк. Гораздо интереснее проанализировать механизм превращения всевластного губернатора в одно из должностных лиц.

Как уже говорилось, правила игры 1990-х годов были таковы, что полномочия по производству и продаже административных услуг были сосредоточены преимущественно на губернском уровне. Цена услуги определялась ее реальной полезностью/необходимостью, издержками на ее производство и платежеспособным спросом. Попытки повысить цену приводили к мгновенному уходу бизнеса «в тень» или оттоку его на другую территорию. К концу 1990-х «прейскурант» административных услуг устоялся, а колебания определялись большей или меньшей успешностью региональной экономики. Поэтому для разрушения «произвола региональных баронов» были применены экономические методы.

Поскольку основной массив «разрешений» выдавали местные власти, неформальные отчисления в пользу федерального центра были незначительными, входя в цену услуги. Они-то и начинают повышаться всеми путями. На рубеже веков усложняется система лицензирования местных структур федеральными легитиматорами. Соответственно, возрастает цена услуги. Чем больше отчислений — формальных и неформальных — приходится делать региональным властям, тем дороже и невыгоднее местному бизнесу приобретать у них административные услуги. В конечном итоге само их приобретение упирается в границы платежеспособного спроса и становится невозможным. Вместо розничной торговли порядком и силой, осуществляемой на региональном уровне, образуются единые центры продажи этих услуг —

федеральные органы власти. Губернаторский уровень управления оказывается бессмысленным и заблокированным.

И бизнес, и региональная власть стремительно движутся «в тень», стараясь дистанцироваться от навязанных центром властных услуг. Тут-то и возникает «борьба с коррупцией» как средство уничтожения «тени». Ее успех, а успех, базировавшийся на все той же страстной ненависти аутсайдеров 1990-х годов к региональному начальству, был несомненным, парализовал все низовые, территориальные органы власти, лишив их возможности участвовать в административном рынке. Их услуги, как прежде услуги криминальных «крыш», стали слишком дорогими и не всегда эффективными. Федералы все чаще оказывались сильнее.

Но и на федеральном уровне дела обстояли совсем не просто. Уничтожение региональной власти как власти привело к чудовищному усложнению государственной машины. Понадобились все более разрастающиеся и дорогие контрольные органы, контролеры за контролерами и так до бесконечности. Навязанные услуги приобретались по все более высокой цене. В кратчайшие сроки сложилась ситуация, когда покупать право и порядок мог позволить себе только предельно узкий круг владельцев крупнейших сырьевых отраслей, связанных с держателями основных силовых и административных ресурсов. Местный бизнес постепенно выдавливается из страны, исчезает или сливается с ведущими игроками. Остальная часть населения из категории покупателей административной услуги переходит в категорию продавцов нового популярного товара — *лояльности*.

Административный рынок в стране умирает, а его ключевые участники превращаются в лишний элемент в системе управления. В этих условиях смещение «региональных баронов» не является проблемой, протекает как по волшебству при пассивном одобрении населения, которое перестает видеть в губернаторах защитников. Но новое положение вещей приводит к формированию *двух* непересекающихся реальностей — реальности власти и реальности общества. Область их взаимодействия — рынок административных услуг — исчезает. *Единственной* формой контакта между ними оказывается сделка по купле/продаже лояльности. Построенная «вертикаль власти» опирается на крайне зыбкую, болотистую почву, устоять на которой сегодня предельно сложно.

Уменьшается, даже если ориентироваться на результаты опросов, популярность «национального лидера» (вместе с преемником). И тогда включается второй из упомянутых выше факторов, эмоционально-психологический: «Ну сколько можно?!».

Проблема не в том, что жизненный уровень населения как-то особенно интенсивно снижался в последние годы. Это обнаружить довольно трудно. Проблема в том, что благополучие это во многом перестало зависеть от активности социальных агентов. Более того, оно не очень зависит и от готовности власти выплачивать популистскую ренту.

События кризисных 2008—2009 гг. показали, что обретенная стабильность держится только на экспорте сырья. Не то чтобы это было открытием. О том, что Россия — «энергетическая сверхдержава» (в девичестве «сырьевой придаток»), говорилось давно и с пафосом. Просто кризис отчетливо продемонстрировал зыбкость нефтегазового благополучия, явную неспособность господствующего класса согласованно действовать в форс-мажорных обстоятельствах²². Соответственно, привлекательность обнаженного торса «национального лидера» резко снизилась в глазах даже женской части общества. Здесь-то и начинается интрига.

²² Павловский (ред.) 2010.

**Страдания
«Единой России»,
или О Фронте
народном
замолвите
слово...**

Для победы на выборах «Единую Россию» необходимо накачать деньгами для возбуждения политической активности. Потом она извергнет избыток на СМИ, отряды агитаторов, наружную рекламу и агитационно-пропагандистскую литературу. Традиционно это было задачей губернатора и «социально ответственного» бизнеса. Но сегодня такой бизнес на региональном уровне уже реликт. Следовательно, она должна быть возложена на центральный аппарат «Единой России» и бюджеты (!) территорий. Но последние не приспособлены для выполнения подобных задач. Проблема финансирования выборов и, главное, покупки лояльности электората с каждым днем становится все более острой.

«Выдрессированные» за годы стабилизации федеральные каналы, наверное, создадут необходимый информационный фон, но будет ли его достаточно для победы, блокирующей внешнее вмешательство в работу системы, сказать трудно. Популярность «национального лидера» и тандема идет на спад. Региональные отделения партий, составленные из депутатов и других кандидатов в политический класс, сегодня явно не в состоянии даже имитировать «партийную жизнь». Надежды на популярность губернаторов уже оставили даже самых упертых.

В этой ситуации возможно несколько вариантов развития событий. Первый вариант — трансляция традиционной модели в надежде, что она сработает еще раз. Внешним отличием должно стать качественно большее финансирование, акции и агитки в стиле ельцинской кампании 1996 г. Помочь в реализации сценария «привычных выборов» способен и Народный фронт — своего рода «вторая линия обороны» государства. Его создание позволяет в условиях отсутствия «губернаторского» административного ресурса мобилизовать малые административные ресурсы — профсоюзов, советов ветеранов, директорского корпуса и т.д.

Я не готов сказать, что этот вариант не сработает. Ведь для того, чтобы блокировать любую политическую активность, вполне достаточно простого большинства и некоторого количества купленных депутатов из иных станов. В России есть немало территорий, где 102% населения отдадут свои голоса за «Единую Россию». Соответственно, крупные

города, где ситуация отсутствия политики воспринимается все более болезненно, останутся в меньшинстве.

В то же время гарантий такой победы у «Единой России» сегодня нет. «Победа» в районе 40%, исходя из описанных выше задач, означает полное поражение, появление в стране политики, а следовательно, трансформацию существующей неформальной структуры государства с неизбежной последующей трансформацией формальной.

Понятно, что этот вариант не единственный. В оставшееся время вполне можно в привычном режиме «ручного управления» сымитировать «очищение» ЕР, активную политическую деятельность и закономерную победу. И тут ОНФ сыграет свою «защитную роль», взяв на себя труд по «очищению партии». Не важно, что это сродни операции унтер-офицерской вдовы по самовысечению. Собственно, здесь будет вполне достаточно избавиться от наиболее одиозных фигур, которые, ясное дело, «обманывали партию», принять еще несколько разумных законов, организовать несколько массовых кампаний по борьбе с коррупцией — и победа становится реальной. Пожалуй, исходя из логики последних событий, это наиболее вероятный сценарий. Однако лимит времени для него уже минимален. Обновление, начавшееся в период выборов, не убедит электорат.

Есть еще одно обстоятельство, затрудняющее реализацию этого сценария, — грядущие президентские выборы. Чиновничество и связанный с ним бизнес — единственная надежная опора режима. Остальное население все менее склонно безоговорочно поддерживать власть в условиях падения цены на лояльность. Но серьезные подвижки в борьбе с коррупцией и «обновление» «Единой России» могут привести к тому, что неуверенность, царящая в обществе, передастся правящему классу. В этой ситуации он тоже будет искать иных, более надежных гарантов собственной безопасности. Хотя самоидентификация правящего класса в России крайне низка, коллективные страхи вполне могут им овладеть. Поэтому устраивать серьезные разборки внутри слоя своих единственных сторонников режиму едва ли разумно.

Конечно, опыт Лужкова, даже с учетом того, что на момент отставки он был уже маргиналом в политике, свидетельствует о том, что политическое сословие России не очень-то расположено вступаться за «своих». Однако риск велик, особенно если вспомнить, насколько это сословие склонно к оппортунистическому поведению. Ведь и провал горбачевской перестройки, как уже говорилось, во многом связан с выжидательной позицией, которую заняла бюрократия. Накануне выборов президента выжидательная позиция бюрократии может стоить региону жизни. На этот случай, по всей видимости, и актуализируется «Правое дело», усиленное прохоровскими миллиардами.

Сложные игрища, происходящие сегодня на политическом олимпе России, могут быть связаны и с давно опробованной сурковской схемой: новая «оппозиционная» партия, эдакий симбиоз «Родины»

и «Яблока» государственнической направленности, оттягивает у существующих партий необходимое до полной победы число голосов и, попав в Думу, быстро становится филиалом «Единой России», обеспечивая контроль над законодательными инициативами.

Не исключен, безусловно, и классический вариант, когда серия терактов или, скажем, экономическая ситуация «настоятельно потребуют» введения чрезвычайного положения. Здесь вероятное поражение «Единой России» на думских выборах оказывается неважным, ибо подбрасывание сталию при «контртеррористической операции» можно избрать правильного президента (не из дуумвирата), который проведет новые выборы в правильный парламент. Разумеется, этот вариант, сулящий наибольшие дивиденды и «обнуляющий» предшествующие провалы власти, является и наиболее рискованным. Риск связан в том числе и с реакцией зарубежных партнеров. Однако громкий теракт может нивелировать негатив, сделав объявление чрезвычайного положения единственно возможным.

Все эти варианты и множество других, созревающих в недрах политического олимпа, решают ближайшую, текущую задачу, но сохраняют фактор «Ну сколько можно?!», который становится все более значимым не только в среде «утонченных интеллектуалов», точнее, совсем не в этой среде. Вторая волна кризиса, о неизбежности которой так много говорят, может перевести потенциальную энергию этого фактора в кинетическую. И тогда, в отсутствие политики и оппозиции, даже если режим решит сдаться, у него не выйдет. Не окажется того, кто примет его безоговорочную капитуляцию.

Библиография

- Бляхер** Л.Е. 2010. Еще раз о «правовом нигилизме», или Об «обычном праве» на постсоветском Дальнем Востоке // *Полития*. № 3—4.
- Волков** В.В. 2002. *Силовое предпринимательство*. — М.
- Дюверже** М. 2000. *Политические партии*. — М.
- Коктыш** К.Е. 1999. Лоббизм в России: быть или не быть // *Банк*. Июль.
- Кордонский** С.Г. 2000. *Рынки власти: Административные рынки СССР и России*. — М.
- Кынев** А.В., Любарев А.Е. 2011. *Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволуция*. — М.
- Любарев** А.Е. (ред.) 2011. *Выборы в России 13 марта 2011 года: Аналитический доклад*. — М.
- Межуев** Б., Ремизов М. 2011. Охота на медведей // *Газета.ru*. 18.04 (http://www.gazeta.ru/comments/2011/04/18_a_3587173.shtml/).
- Павловский** Г. (ред.) 2010. *Победители и проигравшие: Местные выборы 11 октября*. — М.
- Радаев** В.В. 2003. Таможня дает добро? Российский бизнес на пути к легализации // Олимпиева И., Паченков О. (ред.) *Неформаль-*

ная экономика в постсоветском пространстве: Проблемы исследования и регулирования. — СПб.

Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. 1998. *Политические культуры и социальные изменения: Международные сравнения.* — М.

Рыженков С.И., Люхтерхандт-Михалева Г. (ред.) 2001. *Политика и культура в российской провинции: Новгородская, Воронежская, Саратовская, Свердловская области.* — М., СПб.

Тамаш П. 2011. *Социально-политические аспекты прогнозно-аналитических исследований* (http://www.foresight.nas.gov.ua/2006/symposium_02_plenary_session.htm#_Toc158980568).

Удмуртов К. 2007. *КПРФ теряет молодежь* (<http://www.ladno.ru/part/7594.htm>).

Экономика развитого социализма: административный рынок, застой и нефть (Интервью с Виталием Найшулем). 2007 // *Неприкосновенный запас*. № 2. (http://www.intelros.ru/2007/10/10/jekonomika_razvitogo_socializma_administrativnyj_rynok_zastoj_i_neft.html).

Akerlof G.A. 1970. The Market for «Lemons»: Quality Uncertainty and the Market Mechanism // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 84. № 3.